

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 66 (773)

1 декабря 1938 г., четверг

Цена 30 коп.

Сергей Миронович Киров
Рисунок художника А. Панфилова.

Коммунизм непобедим!

Четыре года тому назад предательская пуля фашистского убийцы сразила Сергея Мироновича Кирова. Погиб замечательный большевик, страстный и неподдельный сталинец, человек из железной большевистской когорты. Подные троцкистско-бухаринские бандиты стреляли в Кирова, а пелила в грудь всей партии, всего советского народа. Они пролили кровь одного бесстрашного бойца, а мечтали о потоках крови, которым им хотелось залить огромную и великую страну социализма. Но враги просчитались!

Весь советский народ всколыхнулся, узнав об этом трусливом выстреле из-за угла. Сплющенной, накрепко склеившейся стеной он стоит вокруг своей большевистской партии, вокруг своего правительства.

Битва разгорается не на жизнь, а на смерть, битва со старым, умирающим, но судорожно сцепляющимся своими дряблыми руками за юное и смелое, за новое, несущее миру освобождение. Эта битва разыгрывается на всем земном шаре, всюду, где есть человек. Но на шестой части света она уже выиграна социализмом, выиграна прочно, навсегда. Вот почему особенно яростно тянутся шипальные враги судьи, в нам, в СССР. Капитализм засыпает и будет власывать своих агентов-шпионов, диверсантов, убийц. Предатели родины из троцкистско-бухаринской банды оказались для фашизма «находкой», самыми лучшими из этой пещи агентами. Они способны на любую подлость, на убийство, на диверсию, на отравление. Но эти белогвардейские пятнины вместе со своими хозяевами забыты, что их силу можно приравнять всего лишь к силе ничтожной козявки.

«Эти белогвардейские вязьмы забыты, что хозяин Советской страны является Советским народом...» — как сказано в Истории ВКП(б). Эти пятнистые лягушки фашистов забыты, что стоит Советскому народу шевелнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа».

Партия и советский народ разгромили осинные гнезда врагов. Советская разведка под руководством ЦГБ ВКП(б) побежала, побеждает и будет побеждать. Нет той силы, которая может противостоять силе народа, силе идеи коммунизма.

Во имя человечества советская разведка борется против фашистских выдрков, против изменников родины, против иуда из троцкистско-бухаринской банды. Сила советской разведки — в народе, в высоких идеях большевизма.

Убийство Кирова мы никогда не забудем врагам. Киров убит, но нельзя его забыть из сердец миллионов. Киров с нами! Мы видим его приветливое лицо в делах, которые каждый день совершает страна. Мы слышим его голос в могучем, победном хоре нашей

родины. С трибуны XVII съезда партии Сергей Миронович говорил:

...прекрасьте себе картину: после того как армия одержала решающие победы над врагом — основные позиции заняты; война еще не кончилась, далеко не кончилась, но наступило нечто вроде победной передышки, что можно было выразиться, и вот вся великая победоносная рать бойцов поет могучую победную песню...

Какая правдивая, яркая и художественная картина!

Киров — это образ настоящего большевика. Беспредельная преданность партии Ленина — Сталина, неискажаемая любовь к родине и вера в победу коммунизма, страстная ненависть к врагам, стalinская принципиальность — вот черты характера племенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова. Образ сына советского народа, большевика Кирова — бесмертен потому, что бесмертен народ, потому что бесмертен коммунизм.

Герой нашего времени — боец за дело коммунизма — вдохновляет лучших советских писателей на поэтические творения. Благороден труд советского писателя. На высоких по своим идеям и художественному мастерству произведениях нашей литературы учатся поколения людей.

Люди помнят: отличная работа, юродят вешь, многие деньги стоят.

Один из пастухов, потирая ладонями заспанное и злое лицо, встал, пошел в темноту, должно быть почувствовал вней что-то неладное, но быстро вернулся.

— Конечно же, божь ты мой, не мое дело. Эх, kostы бора, Петроград, косарей бы выпустить, али лучше того косяки. А теперь, смотри-ка ты, одна скотина.

— И опять не твое дело, — сказал Летков, которого раздражало и благообразие чабана и ласковый его голос, и то, что чабан весьма внимательно посмотрел на поставец, явно набиравшего на выпивку. Летков любил, чтобы выпивка была всегда неожиданной, поражающей.

— Конечно же, божь ты мой, не мое дело, Григорий Петрович. Мое дело овец гонять. Сказано мне — паси, я и пасу. Сказано мне — гони в немшу, будем продавать я и гоню. — Он присел возле поставца и, погладив мелкую его ручку, добавил: отличная работа, юродят вешь, многие деньги стоят.

— Чего там? — спросил Летков.

— Да так, почучилось — топочут. А собаки кремлют, значит, ничего.

— Вы посмотрите, — свирепо выкатывая глаза, сказал Летков. — Недобрый народ сейчас вылезло, что птенцов.

— Это верно, божь ты мой, — подхватил Лушевик, — стоят, сказывают, в стени триста эшалонов с рабочими, золото-серебро везут, пушки окружились, и на проезд, ни подступу, прямиком Соловьев-разбивки. А вот как выморят да заберут их в плен...

— Перевесят их еще раньше плену, — сказал Летков.

— И перевесить отлично дело, божь ты мой, — подхватил Лушевик, обрадовавшись, что хозяин наконец-то что-то одобрил в его речи. — А всего лучше пустить их на кость, Григорий Петрович. Пускай скосят, а там и перебить и имущество поделить поровну, как Урал казаки, когда надо рыбачить. И пастухи на долю должны вылететь, Григорий Петрович, ведь пастухи воинам мясо поставляют. Пускай и пастухи счастливо,вольно живут. Вот я, например, никого не счастлив жизнью не жил, братиков у меня не было, хозяйствства не было.

— А работчики, которые в степи стоят, — сказал пастух с злымя и заспаным лицом, — сказывают, богачей ограничили, а ты богачем хочешь быть. Как же так?

— Богачей грабить пельзы, — ответил пасташником Лушевиком и погладил благообразную свою бороду. — Гремко!

— Гремко и опасно, — сказал Летков, и всем показалось, что он даже зумрился.

— Пастух с заспаным лицом сказал:

— Заволы все на сто лет немцам пропадут в веерах сердечный образ

Сергея Мироновича, героическую жизнь

которого мы никогда не забудем, как не забудем и не простим врагам их полной

пули, сразившей Кирова — чудесного большевика.

1 декабря 1938 г., четверг

Цена 30 коп.

Новые произведения

★ ★ ★

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ЛАВРУША ПЕРЕХОДИТ ФРОНТ

Из книги «Пархоменко»

Богатый казак, торговец скотом Летков, северный и крепкий мужчина лет сорока, прихотливый обедаю и бабник дюгнал свою стала неподалеку от Голубинской, возле речки Большой Талык. Старший приказчик, сопровождавший стала, Никита Орешкин, по прозвищу Хлебона, положил, что стала идет отлично, что пастухи ласковы, что траны великолепны. Летков медленно обегнул стала, зирка выскакивая из брички и тыкая кулаком в бок какому-нибудь задумчивому волу или гоня перед собой баранов, чей колыхающийся белег всегда смешал его.

Летков вздрогнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был уверенный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака. И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков, кинув на решетку с пастухами. Бричка его подскользнула в костру. Пастухи смеялись кружком. Вправду на речке темнел лес, и вслед него медленно и спокойно дышало стало. Вечер был жаркий, неподвижный и такой, что, кажется, переломы склонники, и будет смытъ за километр. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в однолицых с боевыми оружиями, украшенных тихо мерцающими каменьями, встревожило и напугало их. Троехон был увереный его бас, а пугало то, что на него не гляяла ни одна собака.

И Семен Душевин, немелкий полумурал, радостно: «бороться, тени-то наверно нету, божь ты мой». Случая б не уступить, рассмотреть, божь ты мой, архангель. Появился было месец, но, увидав, какую душину темноту ему надо преодолевать, чуть пригнал по дороге, мягкой, пуховой, осветил лохматых собак, бродивших по дороге, и скрылся.

Летков вздохнул, обернулся, настуши пристали. Появление этого высокого офицера в барашковой шапке, свинцовой лихе на затылок, в од

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА

ЗНАМЯ

Треть века тому назад в Женеву пришел пакет из Сибири. В конверте красной листовки, отпечатанной в Томске. Редактор газеты «Вперед» Владимир Ильин Ленин напечатал листовку на первой странице.

Заметка была обведена траурной рамкой.

В Женеву доходили вести о первых боях пролетариата с царизмом. Забастовка на Путеводском окончилась «кровавым воскресением», но в тот же день на Вильгельмовом острове рабочими была занята типография и напечатанная в ней листовка призывающая немедленно захватить склады оружия.

Начиналась всеобщая стачка в Москве. Высоко поднималось зарево пытного гола. Его отблески были видны всей Европе. Они озарили мысль Ленина, когда он в женевской библиотеке работал над книгами о баррикадных боях Парижской Коммуны, когда он перечитывал заново статьи Маркса и Энгельса о тактике восстания, когда на собрании большевиков он говорил о 9 января. И ярким пламенем, огнем ленинизма на всю Россию сметили страны, приходившие из-за далеких рубежей большевистской газеты «Вперед».

18 января по улицам Томска шла колонна рабочих студентов.

Боевое оружие в руках сибиряков было ответом народа девятому января. Впереди демонстрации идет знаменосец печатник Иосиф Конопов. Ему 18 лет. Знаменосца охраняет его друг и сверстник — юноша невысокого роста. Это был Киров. На главной улице города раздались залпы. Городовые и казаки стреляли по красному знамени. Упал смертельно раненый Конопов. Последним усилием он спрятал на грудь пробитое знамя.

Вечером город был опечален. Улицы погрузились в тьму. У костров грелись угрюмые солдаты. Улицами, застывшими в настороженном молчании, незаметно прошел человек в пальто, рассеченном уздечкой на гайки. Сторож открыл перед ним двери покойницкой. У потолка тускло мерцала лампа. Воздух стоял ледяной. Он наклоняется над ничем, он ищет друга Конопова... Убитый лежит, тяжело уткнувшись лицом в доски. Так его засекли городовые. Не бьется его сердце, и залило кровью прижало к груди простреленное знамя. Это не забудется во всю жизнь. Киров берет знамя, которое утром нес Конопов, и уходит в молчание, темные, настороженные улицы города.

Через неделю Конопова хоронили. Накануне похорон Киров печатал свою листовку памяти Конопова, и тысячи людей, которые провожали Конопова на кладбище, читали ее на ходу. Из Томска плачевная листовка, первое, что написал Киров и его товарищи о революции, пришла в Женеву и через Женеву, обведенная траурной рамкой в газете «Вперед», она

С. МАРВИЧ

Песня о солнце

Нам Киров сказал:

«Широка и бурлива

По краю сугробов и сна

Без дела и славы скитаются Нива,

Пусть север согреет она».

На гордых вершинах, в груди

плоскогорий,

Холодная бьется струя,

С высокого озера в Белое море

Несется подруга моя.

А страшно бывало.

Весна на исходе

И тело речное дрожит,

Легит, припадая в чаду половодья,

И в ключья разносит ряжи.

Но мы не роптали. Мы шли, как бывало.

Мы знали, что воля — закон.

На рослые плечи крутого канала

Шинелью ложился бетон.

В бетонное русло, бессыльная спорить,

Несла свою пену струя.

С высокого озера в Белое море

Несется подруга моя.

А страшно бывало.

В шипеньи и в мыле

Рвалась на откосы река.

Но тверды откосы. И точен рубильник.

И хватка бетона крепка.

Нам Киров сказал: «Широка и бурлива,

Сильна и упрям река».

И вот уже током становится Нива

И слава ее высока.

Турбины трубят. На лопатках играя

Вода за работу — и прочь —

Слепящим солнце полярного края,

В котором сугробы и ночь.

И в комнате нашей закаты и зори —

Турбинного солнца струя.

С высокого озера в Белое море

Несется подруга моя.

ЛЕВ ОШАНИН

12-й зал Музея Красной Армии

В двенадцатом зале Музея Красной Армии имеется раздел «Жизнь, революционная и боевая работа С. М. Кирова». Исторические документы, фотографии рассказывают посетителю музея о жизни и работе полномочного представителя РСФСР в меньшевистской Грузии.

И всюду он нес с собой знамя большевика-ленинина, побывавшее с ним в боях Томска до Баку, непобедимое знамя. И под сенью великого знамени росла прекрасная жизнь бойца, организатора миллиардов, народного трибуна, соратника Сталина.

Четыре года тому назад черная рука фашиста обвирала прекрасную жизнь. Эти дни были полны печали. В скорбной взахлесте вошли страны в партии. Проходили погони, и задумчиво блаженным глазами глядел на них престарелый боевик Парижской Коммуны. У гроба Кирова он стоял, как живой символ того, что однажды поднятое над миром знамя свободы и счастья человека никогда не опустится, что нет у врагов такой силы, которая притянет к земле боевое знамя.

...В начале века в зимней сибирской почте Киров снял с груди убитого товарища это знамя и пошел с ним дальше через всю свою жизнь. В скорбные декабрьские дни трижды четвертого года миллионы людей преображенной страны взывали к мертвым рукам трибуна великого Кирова и посыпали его впереди в безбрежных просторах коммунизма.

С. МАРВИЧ

1 декабря состоятся литературно-художественные передачи, посвященные Сергею Мироновичу Кирову.

По радиостанции ВЦСПС в 10 ч. 30 мин. будет транслироваться передача «Поэты о товарище Кирове». Заслуженный артист Республики Дм. Орлов прочтет отрывки из поэм И. Незлобина о Кирове, артист Большого театра Н. Далматов прочтет стихи В. Гусева «Любимец партии» и стихи М. Алигер «Победитель». Вторая литературная передача — в 13 ч. 05 мин. по радиостанции им. Коминтерна на тему «Киров в народном творчестве».

В 17 часов по радиостанции им. Коминтерна состоится передача для октября, посвященная С. М. Кирову. «Песни о Куйбышеве» прочтет артист В. Яхонтов в сопровождении оркестра.

В 19 ч. 30 мин. организуется выступление передачи «Московских известий» с завода «Динамо» им. Кирова. Затем передача

Кировские дни в Минске

МИНОК, 30 ноября. Трудящиеся Минска отмечают четвертую годовщину со дня злодейского убийства пламенного трибуна революции С. М. Кирова.

В минской Доме Красной Армии имени К. Е. Ворошилова открылась выставка. Здесь собраны статьи, речи и документы, ярко рисующие беспощадную борьбу Сергея Мироновича с врагами революции. Выставки о Кирове открылись также во

всех частях минского гарнизона, в Белорусской государственной библиотеке им. Ленина и в Минском доме партийного актива.

На предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях проводятся беседы, в концертном зале Дома Красной Армии состоялись собрания командного и начальствующего состава гарнизона, посвященные памяти С. М. Кирова.

Натирай до крови руки, он копал землю, целиком сутками не выходил из подземелья, прилизывая потайную дверь в виде огромного погибшего землекопа. Он разбил сенью, устроив хитрую сигнализацию. Технические способы Кирова настолько заслужили доверия, что он стал арестован в доме над типографией, полиция вскрыла подполье и промышленные саперы вырыли ямы по всему двору, все же не добрались до типографии.

Кострикова арестовали только по подозрению. Доказательств не удалось.

Как и для многих других большевиков, торжеством стала для Кирова университетом. Сам он говорил об этом так:

«Не только книжки, а каждый год твои давай очень много — там полумашень... все обсулиши двадцать раз и когда примишешь какую-нибудь партийную присягу, то знаешь к чему это обязывает...»

Киров всем своим существом — и умом в сердце — был верен партийной присяге, и эта верность в соединении с глубокой внутренней убежденностью помогала ему решать самые сложные задачи революции.

А революция подчас выдвигала их неожиданно и давала очень мало времени для решения. Решать приходилось иногда под огнем, иногда большевистским словом побеждать там, где, казалось, уже нет другого языка кроме языка оружия.

Так было не раз на Кавказе, где застал Кирова революция. Не кто иной, как Киров организовал в дни коринского мятежа депутатов от съезда горских народов к так называемой «группе дивизии». Депутации эта убедила обманутых горнолыжных членов ингушей, кабардинцев, что генералы посыпают их убийством друзей и братьев.

Киров был уполномоченным партии на Северном Кавказе, где ему пришлось в исключительно трухных условиях разрешать вопросы национальной политики партии. На Тереке согнанные царским правительством с плодородной земли, в закоулках гор, в тесноте и страшной обиде друг на друга жила 28 воинственных горских народов. После войны там скопилось много оружия, и люди не переставали воевать — племя против племени, аул против аула.

А Астрахань разбита белыми. XI армия терзала свою живую силу. Перед партией и советской властью стояла

КИРОВСКИЕ ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД. (По телефону от наш. народа). Накануне кировских дней на Петроградской стороне открыты замечательный памятник, увековечивающий жизнь и дела любимого сына партии Ленина-Сталина, пламенного трибуна социалистической революции Сергея Мироновича Кирова.

У входа высечена надпись: «Музей С. М. Кирова». Тринадцать зал в этом доме. Первый зал посвящен детским и юношеским годам Сергея Мироновича Кирова.

Осмотрите этот зал, — пишут сестры Кирова — Елизавета и Анна Костриковы, — мы вспоминаем наше тяжелое детство, глухой город Уржум — место ссылок политических заключенных. Сергей сблизился с этими людьми, которые принесли в наш край зовущее к борьбе революционное слово. Уже в те годы Сергей Миронович твердо решил посвятить свою жизнь революционной борьбе, борьбе за народное счастье...

Люди мелено переходят из зала в зал. Сотни людей в этих залах. Мягкие ковры и дорожки заглушают шаги. Великая и яркая биография рассказывается в торжественной тишине музея.

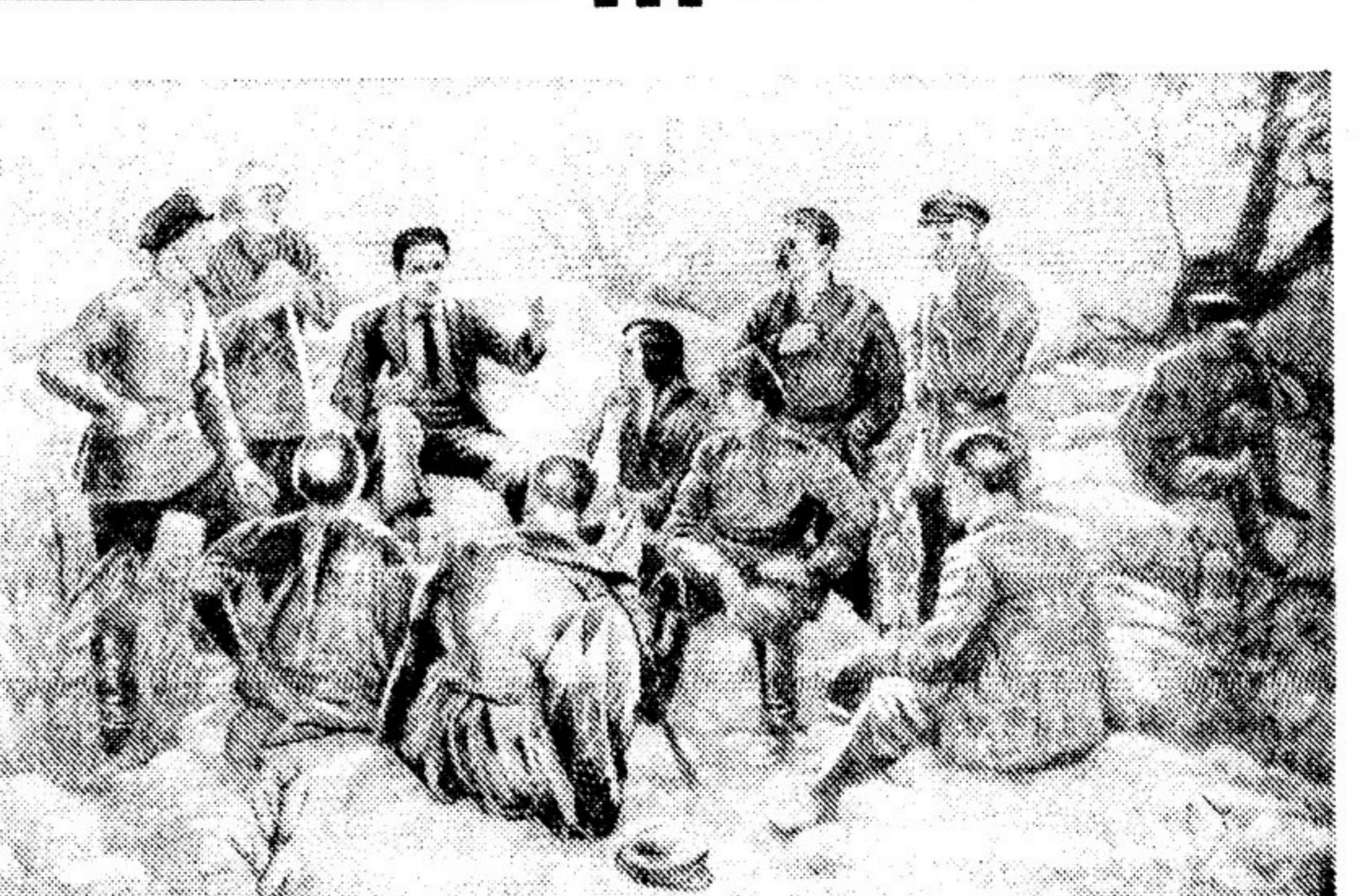
...Документы и брошюры. Выставка фотографии и огромные полотна художников. Письма, написанные рукой Кирова, и газетные полосы с его вдохновенными речами. Модели машин, производство которых начато по инициативе Кирова, и макеты, воспроизводящие и бравурные Уржум, и кировский кабинет в Смольном.

Мы долго стоим у стеклянных шкафов; там висят старая куртка Кирова времен гражданской войны и серый прогрецизмный плащ, в котором можно было видеть Сергея Мироновича на ленинградских залах, на улицах нашего города, на пломбах Уржума, приветствующих праздничные колонны демонстрантов...

Перед нами Киров в большевистском пополнении, перед нами Киров в годы гражданской войны. Мы переходим из зала в зал, Киров в Азербайджане, Киров в городе Ленина — любимица «шарфа», капитана Миронича, боевой руководитель ленинградских большевиков, ведущий трущебных на заводах и фабриках проводится доклады и беседы о Кирове. На многих площадях во время обеденных перерывов читаются художественные произведения, посвященные Сергею Мироновичу. На фабрике «Красное знамя», например, работники с интересом прослушивают стихи из «Малыша из Уржума».

Годовину злодейского убийства С. М. Кирова все клубы и дома культуры отметили кировскими вечерами. В частности, в Доме писателя им. Маяковского состоялся вечер, на котором будут читать стихи А. Прокофьев, Е. Рыбина, В. Азарова.

Ю. ИС.

Беседа С. М. Кирова с рабочими, мобилизованными в армию.

Аварель Ю. Непринцева.

Здесь и будет советским, — сказал тогда Волги.

Устье Волги осталось советским. Прошло еще несколько напряженных боевых лет, после которых партия послала Кирова в Ленинград для того, чтобы разгромить зиновьевское гнездо и возглавить борьбу ленинградских большевиков за линию партии, за строительство социализма.

Киров ленинградского периода — это руководитель, обогащенный огромным опытом военной, дипломатической, хозяйственной, партийной работы, руководитель, влияние которого распространяется по всей стране.

Киров того времени — это опытный боевик, тяжелую руку которого испытывали на себе все антипартийные группы и группировки, боев, разгромивший троцкистов и зиновьевцев на той территории, которую они пытались сделать своим плацдармом.

Партийность — слово, в котором сквозит все, — принципиальность, честность, энергия, воля, выдержка, партийность — это основное качество Кирова, честра, за которую его любила партия и ненавидели враги.

Теперь мы знаем многое. Четыре года прошли со дня смерти Сергея Мироновича Кирова. За эти годы на многое открыли нам глаза. За эти годы мы увидели, что в Финской войне Красная армия, ч

Как мы работаем над переводами Т. Г. Шевченко

М. ИСАКОВСКИЙ

Заметки переводчика

Из произведений Тараса Григорьевича Шевченко я перевел на русский язык поэму «Катерина» и несколько более мелких по размеру стихотворений.

С первого же дня работы передо мной встал вопрос — как перевести? Вначале я решил сделать такой перевод, текст которого строка в строку совпадал бы с текстом оригинала. Но после некоторых попыток в этом направлении я убедился, что такой перевод делать бессмысленно, что он не может удовлетворить ни меня, ни читателя. Он не может передать внутренней сущности шевченковских строк, их поэтической силы, их певучести, их души, если там можно выразиться. Стихи, при таком методе работы, получаются какими-то маловыразительными, неуклюжими, холодными, хотя внешне они довольно точно воспроизводят строки Шевченко.

Поэтому я избрал для себя другой путь. Я убедился, что механическим переводом нельзя передать ту живую силу, ту полноту звучания, которые заложены в творчестве великого украинского поэта. Я рассуждал примерно так: пусть у меня не совпадает строка со строкой, пусть у меня будут иногда не совсем те слова и строчки, что у Шевченко, — но если эти слова и строчки наиболее полно, наиболее ярко выражают то, что хотел сказать Шевченко, то это и будет самым точным, самым правильным переводом.

Хочется привести такой пример. Опознанную Катерину родители вынуждены из дома. И вот она, с ребенком на руках, идет искать своего возлюбленного, который ее покинул.

За слезами за гіркими
І сіяла не бачить,
Тлько сина пригортала,
Ціле та плаче.
А воно, як янгелітко,
Нічого не знає,
Маленькою ручицями
Паскушику шукає.

Этими словами нарисована потрясающая картина горя, постигшего Катерину. С одной стороны, — она плачущая, одинокая, всеми отвернутая и, с другой стороны, — беззаботный младенец, который ничего не понимает.

Хотелось перевести это место так же, хорошо, как оно звучит в подлиннике. Но как это сделать? Украинская строка «а воно, як янгелітко» звучит мягко, трогательно. Но попробуйте слово в слове перевести это на русский язык, и получится чепуха. «А он (сын), как ангелочек». Плохо. И тут я решил сделать так:

А сыночек-несмышленыш
Не знает заботы, —
Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.

Думают, что от такой замены одного выражения другим шевченковский текст искажен, не пострадал, и перевод получился лучше, грамотней и точней.

Конечно, такие замены одинак выражений нужно делать с большой осторожностью, иначе можно очень легко уйти в сторону от Шевченко и таким образом исказить его.

*

Я перевел это так:
«Пусть тебе господь прощает,
Пусть жалеют люди!
Молись богу и — в дорогу! —
Батьке легче будет».

*

Очень много пришлось мне поработать над переводом таких слов, александровских которых нет в русском языке. Например, — слово «покрытка»:

Прийшли віті недобри,
В поход затрублі;
Пішов москаль в Туреччину, —
Катурски манрили.

Можно было просто так и перевести: «Катурско накрытия». Но это непонятно. А между тем здесь говорится о таком обычай, когда девушки, брошенные ими возлюбленными, накрывали (покрывали) голову плащом в знак того, что они «опозорены». Таких девушек называли «покрытками». Если перевести просто «Катурско накрытия» — надо делать спуск, обяснять. А мне хотелось дать такой перевод, чтобы спуск было как можно меньше.

И я перевел это место так:
Весь недобрый пришелся, —
В поход затрублі.
Ухолил москаль, а Катре
Голову покрыли.

И дальше:
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Словно песня, сладки были
Слезы о любимом.

Таким образом, хотя и не дается прямого обяснения — что значит это «покрытие», но читатель понимает его смысл.

*

Хочется сказать еще несколько слов об украинских словах, которые я счел необходимым оставить в своих переводах.

Такие слова, как «зажурися», «подились», «батька» и т. д., я оставил довольно часто. Думаю, что ничего плохого в этом нет. Слова эти очень понятны русскому читателю, и к тому же они вносят в перевод украинский колорит, что также очень важно.

*

Большую помощь в работе оказали мне редактор однотипника Шевченко, выпускаемого Детиздатом, — тов. К. И. Чуковский. Эта помощь была тем более существенна, что он прекрасно знает и очень любит творчество Т. Г. Шевченко. Из многочисленных примеров приведу здесь один. У меня было переведено:

Станешъ ты тогда москвичкой,
Горе позабудешъ.
А пока пускай потреплят
Языками люди.

У Шевченко было не «москвичкой», а «московкою». Но я как-то не нашел другого слова и поставил «москвичкою». И тов. Чуковский совершенно резонно заменил мне, что москвичка — это жительница г. Москвы, а у Шевченко совсем другой, более широкий смысл. Я исправил эту строку так (она стала много лучше):

Станешь ты тогда москвичицей,
Горе позабудешь..

*

В заключение хочется сказать, что над переводами Шевченко я работал с большими усилиями. Эта работа, помимо всего прочего, в очень большой степени обогатила мои собственные творческие замыслы, раскрыла передо мной новые творческие возможности.

Я лишь сожалею о том, что все же не смог сделать все свои переводы такими, какими бы я хотел. В них есть еще недостатки. Я думаю над ними и приложу все силы к тому, чтобы исправить те места, которые мне кажутся слабыми.

Например, у Шевченко так:

— Нехай тебе Бог прощает

Та добрій люді!

Молись Богу та йди собі —

Мені легше буде.

КАК ЖЕ ПЕРЕВОДИТЬ ШЕВЧЕНКО?

Статья вторая*

Конечно, дело не только в затмении революционного пафоса поэзии Шевченко. Есть в этих переводах, о которых говорилось в предыдущей статье, и другие нормы, такие же злостные. Это раньше всего так называемые словарные ляписы, проискование от слабого знания перевода, и мы этого языка, с которого они переводают.

Прочитал, например, Сологуб у Шевченко, как они украинцы ругают другого:

— Ції тобі, мерзійний

Каламарі!

И решил, что если уж люди ругаются, значит каламар — это что-то вроде прохвоста. И перевел:

— Чур тебе, противный

Прохвост!

Между тем, каламар — по-украински не прохвост, даже не прохвост, а червильник!

В другом сологубовском переводе фигурирует Емельян Пугачев, потому что Сологуб неведомо, что пугач по-украински филин.

Даже знаменитое «Завещание» с первых же строк искажено Сологубом вследствие малого знания украинской лексики. Шевченко в этих первых строках говорит: когда я умру, похороните меня на высоком холме, не кургане, а Сологуб неизвестно:

Как умру я, скроюте

Вы меня в могиле.

*См. «Лит. газету» № 65, 26 ноября 1938 г.

Из произведений Тараса Григорьевича Шевченко я перевел на русский язык поэму «Катерина» и несколько более мелких по размеру стихотворений.

С первого же дня работы передо мной встал вопрос — как перевести? Вначале я решил сделать такой перевод, текст которого строка в строку совпадал бы с текстом оригинала. Но после некоторых попыток в этом направлении я убедился, что такой перевод делать бессмысленно, что он не может удовлетворить ни меня, ни читателя. Он не может передать внутреннюю сущность шевченковских строк, их поэтическую силу, их певучесть, их душу, если там можно выразиться. Стихи, при таком методе работы, получаются какими-то маловыразительными, неуклюжими, холодными, хотя внешне они довольно точно воспроизводят строки Шевченко.

Поэтому я избрал для себя другой путь. Я убедился, что механическим переводом нельзя передать ту живую силу, ту полноту звучания, которые заложены в творчестве великого украинского поэта. Я рассуждал примерно так: пусть у меня не совпадает строка со строкой, пусть у меня будут иногда не совсем те слова и строчки, что у Шевченко, — но если эти слова и строчки наиболее полно, наиболее ярко выражают то, что хотел сказать Шевченко, то это и будет самым точным, самым правильным переводом.

Хочется привести такой пример. Опознанную Катерину родители вынуждены из дома. И вот она, с ребенком на руках, идет искать своего возлюбленного, который ее покинул.

За слезами за гіркими
І сіяла не бачить,
Тлько сина пригортала,
Ціле та плаче.
А воно, як янгелітко,
Нічого не знає,
Маленькою ручицями
Паскушику шукає.

Этими словами нарисована потрясающая картина горя, постигшего Катерину. С одной стороны, — она плачущая, одинокая, всеми отвернутая и, с другой стороны, — беззаботный младенец, который ничего не понимает.

Хотелось перевести это место так же, хорошо, как оно звучит в подлиннике. Но как это сделать? Украинская строка «а воно, як янгелітко» звучит мягко, трогательно. Но попробуйте слово в слове перевести это на русский язык, и получится чепуха. «А он (сын), как ангелочек». Плохо. И тут я решил сделать так:

А сыночек-несмышленыш
Не знает заботы, —
Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.

Думают, что от такой замены одного выражения другим шевченковский текст искажен, не пострадал, и перевод получился лучше, грамотней и точней.

Конечно, такие замены одинак выражений нужно делать с большой осторожностью, иначе можно очень легко уйти в сторону от Шевченко и таким образом исказить его.

И лишь сожалею о том, что все же не смог сделать все свои переводы такими, какими бы я хотел. В них есть еще недостатки. Я думаю над ними и приложу все силы к тому, чтобы исправить те места, которые мне кажутся слабыми.

Например, у Шевченко так:

— Нехай тебе Бог прощает

Та добрій люді!

Молись Богу та йди собі —

Мені легше буде.

Заметки переводчика

Т. Г. Шевченко

Мы вместе некогда росли...

Мы вместе некогда росли:
Гуляли вместе и разились,
И матери на нас дивились,
И говорили, что нашли

Друг друга мы... Напрасны были

Надежды. Старини в могиле,
А мы с подругой разошлись

И не встречались уж боле.

Меня по воле ниль неволе

Носило всюду... Принесло

На старости к родному дому...

Когда то шумное село

Теперь казалось мне — седому

Пустынным, тихим и немым —

Таким, как я — почти больным.

Как будто в облике его

Не изменилось ничего:

Все та же здесь, как раньше было.

Чито не выросло; не сгнило;

Всё та же тополя и поле

И над колодцем две ворбы

Склонились, словно две рабы,

Там далеко — в глухой неволе.

Прудок, плотина и ветрян

За рощею крыльями машет,

И дуб зеленый, как изаз,

Что вышел из лесу и пляшет

По-нарекой... А у реки

Садочек темный, и в садочек

Лежат в темнотею холодочки

Моя родные старини.

Сломались крепкие кресты,

Сломались крепкие к

